Сказки С. К. Киселева.

Когда я записывалъ сказки въ Верхнемъ Кыштымскомъ заводѣ и „первый лёдъ былъ сломанъ“, недовѣріе населенія къ новому и неслыханному дѣлу—записыванью сказокъ для печати—прошло,—тогда ко мнѣ на квартиру приходили многіе жители завода; одни приходили изъ простого любопытства, другіе сами насылались со сказками, хвастливо называя себя хорошими сказочниками; третьи легко соглашались на мое предложеніе разсказать мнѣ извѣстныя имъ сказки. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и обыватель завода Степанъ Кирилловичъ Киселёвъ, 50-ти лѣтъ. Онъ мнѣ разсказалъ четыре сказки, изъ которыхъ послѣднюю я не привожу по ея нескромному содержанію (женщина обманываетъ одновременно и своего мужа, и своего случайнаго знакомаго).

Подобно большинству жителей Верхняго Кыштымскаго завода, С. К. Киселевъ слабо акаетъ, но далеко не всегда, а лишь изрѣдка. — Его любимое словечко: „слышь“ (=говоритъ; собственно: слушай!).

---

52. [Морока].

1. Разъ шолъ карабль. Этотъ карапь нужно прицѣпить къ бе́регу. Ко҃гда прицѣпили къ бе́регу, вездѣ звонъ, какъ во время Пасхи.—„Ребята, хто куда увольняйтесь! гуля́й!“—ихъ отпустили. (Изъ матросовъ, конешно).

Одинъ матросъ отправляетца въ *Нѣмску* госьтиньницу обѣдать. Ко҃нда ето попроси́лъ обѣдать, ево накоръми́ли. — „Вы што жо, *чушь*, какъ свиньи́ на̀лили, ро́вно изъ лаха́ни?“—Половой и говоритъ: „хошь ѣшь, хошь не ѣшь! хазяинъ велѣлъ за обѣдъ россчита̀цца!“ — Онъ о́тдалъ пять рубьлей. Ко҃нда ему принесьли́ сда́чи, онъ и говоритъ, што „ето можетъ половой и буфѣтьчикъ получить себѣ на чай!“

Топерь онъ цѣлую недѣлю ходилъ, кажной разъ разсчитывался и сдачи не бралъ—всё на во́дку отдавалъ. Ево полюбили, стали стрѣча̀ть.

2. Нѣмецъ збира́етъ деньги, идётъ за поку́пками. Ко҃нда набра́лъ покупокъ, подаётъ эти золотые. Торговой и гово-

ритъ: „Што ты ето подаёшь эти деньги? вѣдь это, слышь, салдатскіе пу́говьки! Посмотьри́!“ — Онъ смотритъ: вѣрно! Онъ бросился домой. Прибѣжалъ, хотѣлъ отьня́ть эти [чаевыя] деньги у полово́ва и у буфе́тьчика. Поднялáсь у нихъ дра́ка.

На́чалъ хлопотать объ этѣмъ дѣлѣ. Подаётъ бумагу губернатору. Губернаторъ призываетъ етова самова матроса: „Ты слышь, матросъ! сознайся лучьше! *чо* тамъ ты надѣлалъ?“—„Я, слышь, ничё не знаю!“—„Сознавайся!“

3. „Мнѣ сознаваться сечасъ нельзя! Подождите! Сечасъ, слышь, чё-то набатъ вездѣ бьютъ!“—„Какъ набатъ везьдѣ бьютъ?“ — Побѣжали, а ужъ у нихъ сьни́зу-ту кьверху-ту ужь пла́мё, спусти́цца нельзя!“—Забѣгалъ. — „Куда мы, слышь, теперь?“ — „Скорѣе хватай дѣла̀, да изъ окошка!“ —А высо̀ко, выпрыгнуть невозможно! Онъ схватилъ пери́ну, бросилъ изъ окна: „Прыгайте! лучьше сами спасайтесь! а я спасуся!“ — Губернаторъ пры́гнулъ изъ окна, а оказывается— со стола̀ на́ полъ.

Когда пры́гнулъ и закрича́лъ: „Вѣстовой, вѣстовой! Гдѣ у насъ тотъ человѣкъ?“—А онъ за дверёй стои́тъ.—„Скричи ево сюда̀!“—„Ну, матросъ, тебѣ два цолко́выхъ де́нёгъ! ступай, только некому не ска́зывай!“ (што онъ пры́гнулъ со стола̀ на́ полъ). — Конечьно, тутъ узнали, стали надь нимъ подсмѣ́ховацца.

4. Тутъ по́дали дѣло генералу. Генералъ ево призываетъ кь себѣ и кричитъ то́же на нево:—„Я сь тебя ко́жу сдеру́!“— „Обождите немно́шко! Сейчасъ намъ съ тобой кричать нельзя!“—„Почему?“ слышь.—„Страшное водопо́лье?“—„Почему водополье?!“

Пошли смотрѣть; а ужъ опять из-низу-тѣ квёрьху-тѣ вода бури́тъ: имъ выйти-то нельзя. Они бросились въ третій етажъ. И въ третій етажъ вода подошла. Онѣ на вы́шку, на крышу взошли, на *конёкъ*. На конькѣ тоже вода. Онѣ залѣзьли на трубу.

Потомъ, только ужъ имъ потонуть, — неоткёда взялась ло́дочька, пловётъ прямо кь имъ. Въ етой лодочкѣ весла́ нѣтъ; понесло́ ихъ куда́ — и Бохъ знаетъ куда! Разъ онѣ выѣхали на су́шу. Матросъ енералу говоритъ: „Теперь Бохъ знаетъ куда́ насъ принесло́ — въ иностранные зе́мьли! мы тутъ ничё не поймёмъ!“

Пошли. Недалéко оказываецца деревушка. Зашли, — ничево не понимаютъ, ничё не знаютъ — не тотъ, не другой. Матросъ и говоритъ: „Насъ съ тобой нанимаютъ въ коро́вьи пастухи́ скотъ пасьти́“ — „Куда дѣвацца? Надо наня́цца!“ — Наняли́ся; матросъ сдѣлался пастухо́мъ, а енера́лъ *подпа́скомъ*.

5. Вотъ они пропасли́ всё лѣто. А было ря́жено у нихъ за 25 рублей. Получили онѣ эти 25 рублей, вышли на лужайку, стали дѣлить. Матросъ берётъ себѣ 15, а генералу даётъ 10. —„Почему ты мнѣ даешь 10, а себѣ берёшь 15?“— „Я, — слышь, — пасту́хъ, а ты подпа́сокъ! Коѣда ты былъ генералъ, а теперь ты живёшь у меня въ подпа́скахъ! я ста́ръше тебя!“—Генералъ согласился, получилъ деся́тку.

„Теперь бы хто меня на свою земълю доста́вилъ, я бы послѣдьню десятку о́тдалъ тому!“ — Матросъ и говоритъ: „збу́децца ли ето правда?“ — „Душо́й и тѣломъ!“ — Вразъ оказываютца — сидятъ въ комнатѣ, у тово́ жо стола, и разсчитываюцца.

Соскочилъ генералъ, закричалъ: „Стой, стой! Какое у насъ водополье было?“ — „Да такое, — слышь: — водополье!“ — „Гдѣ?.. У меня дѣти на гуля́нье уѣхали, — гдѣ дѣти?“ — „А они, — слышь: — ешо съ гулянья не пріѣхали. Они есчо гуляютъ“.

Матросъ сказалъ: „Пожалуйте разсчётъ!“ — Генералъ о́тдалъ матросу десеть рублей: — „Ступай, — слышь: — съ Бо́гомъ! А если *Нѣмъская* мо́рда придётъ, я ево гоня́ть буду!“

---

53. [Загадки].

1. Ади́нъ баринъ былъ. У ево былъ лакей Алёшка. Разъ баринъ засльшалъ: какая-то выходитъ за́мужъ и говоритъ: „Есьли мнѣ три загадки загану́тъ, не отгану́,—такъ за нево за́мужъ пойду!“

Приходитъ онъ домой и кричитъ: „Алёшка! вотъ тебѣ три рубля́ — ступай, купи мьнѣ лошадь!“ — Тотъ получилъ деньги, спускаетца внизъ: „Баринъ што-то у насъ не совсѣ́мъ!“ — Побѣжалъ. Бѣгалъ, бѣгалъ, лошадей нѣтъ. Разъ ведутъ лошадь попа́шшую безъ ма́лова; разъ онъ её ку-